Видя, как в глазах красивого омеги угасает последняя надежда, Сун Ханьшань почувствовал укол жалости. И всё же приказ оставался приказом. Скрепив сердце, он вышел из палаты и плотно прикрыл за собой дверь.

— Первое отделение остается на дежурстве. Через двенадцать часов смена. Командир вернется со дня на день, так что без глупостей — не дай бог он застукает кого-то за бездельем.

Сун Ханьшань напустил на себя строгий вид, но подчиненные лишь вполголоса заворчали:

— Да какая разница, сачкуем мы или нет… Всё равно генерал-майор вернется и от силы дня через три выставит парня вон.

— А омега-то хорош. Красивый, черт побери.

— И толку с его красоты? Наш генерал вообще никого ближе пяти метров к себе не подпускает.

Сун Ханьшань строго цыкнул на них:

— Кто разрешал обсуждать решения руководства?

— Да тут и гадать нечего, — не унимался один из бойцов. — За последние годы он хоть раз появлялся на приемах? Только на военных советах да на передовой. А вспомните, когда у него кошка сдохла? Народищу сколько приперлось, животину ему суют, а он всех со своими подарками развернул. Если уж зверей допечь не может, то живого человека и подавно терпеть не станет.

— Это не просто «живой человек», а результат AI-сопоставления, — возразил Сун Ханьшань.

— Ну да, как же… Модель-то кто проектировал? Все равно люди. Сдается мне, это происки тех гадов, которым наше военное ведомство костью в горле стоит. Купились на красотку, решили подсунуть… Метод «красавицы», не иначе.

Другой солдат уже открыл рот, чтобы вставить слово, но Сун Ханьшань рябнул на него:

— Заткнись! Совсем страх потеряли — такие вещи на посту мести?

В коридоре мгновенно воцарилась тишина. Никто больше не обронил ни слова, хотя мысли у всех сходились к одному.

Нашествие зергов, бесчинства космических пиратов… Понятное дело, в эти неспокойные

времена влияние армейской верхушки возросло до предела, что перекрыло кислород слишком многим. Некоторые мерзавцы не просто спутались с пиратами, но даже пытались использовать тварей-зергов в своих грязных махинациях.

И вот сейчас, в самый напряженный момент, императорский дом под предлогом заботы о генерал-майоре Лу внезапно присылает ему омегу. Тут поневоле заподозришь заговор.

А ведь Лу Минцзинь — главный кандидат на пост маршала.

Сун Ханьшань обвел подчиненных тяжелым взглядом, воздержавшись от дальнейших комментариев. Достав коммуникатор, он глубоко вздохнул и набрал номер командира.

Спустя несколько гудков вызов приняли, но в динамике стояло молчание. Сун Ханьшань не стал ходить вокруг да около — Лу Минцзинь терпеть не мог, когда подчиненные тянули резину.

— Генерал-майор, я видел омегу.

— И? — Голос на том конце провода прозвучал совершенно сухо, без тени интереса.

Сун Ханьшань мысленно воскресил в памяти бледное личико юноши из палаты:

— Ну… Он очень красивый. Беленький такой, тихий, послушный. Чем-то…

Он подыскивал нужные слова, как вдруг его осенило:

— Чем-то похож на вашу прежнюю белую кошку! Такой же аккуратный подбородка, глаза синие…

Однако в ответ на его поэтические изыскания в трубке зависла мертвая тишина.

— Генерал-майор? — осторожно позвал Сун Ханьшань.

С той стороны линии вырвался исполненный боли вопль — командир явно где-то добивал остатки пиратов, — а следом донесся отчетливый звук клинка, вонзившегося в плоть. После чего раздалась абсолютно спокойная реплика:

— Если так нравится — забирай себе.

Эти слова мгновенно сбили с Сун Ханьшаня всю спесь.

Он вновь бросил взгляд через прозрачное стекло палаты. Омега грелся в лучах солнца — тихий, хрупкий. На его фарфоровой, безупречно нежной коже проглядывал едва заметный пушок, а длинные ресницы поддрагивали. В нем чувствовалась такая чистая, почти прозрачная прелесть, что перехватывало дыхание.

Куда уж ему, Сун Ханьшаню, до такого счастья!

Будто ощутив на себе чужой взгляд, юноша поднял взор. Его глаза оказались синее самого чистого неба.

Бесконечно наивный, невинный и в то же время невероятно манящий взгляд.

Сун Ханьшань спешно отвел глаза:

— Командир, если вы так и не появитесь, его придется держать под замком в палате. А снаружи уже дежурит целая орава журналистов. Может, хотя бы заберете его к себе?.. Бросать его здесь не лучшая идея, в сети уже ползут нехорошие слухи…

— Пусть ползут.

Не успел Сун Ханьшань договорить, как связь оборвалась.

«До чего же черствый человек…» — вздохнул подполковник.

В последующие дни две бригады сменяли друг друга на посту. Снаружи, как и предсказывал Сун Ханьшань, дежурили толпы репортеров.

— Поговаривают, омега, совместимый с командиром Десятой дивизии Лу Минцзинем, находится именно в этой больнице.

— Прямой репортаж с места событий! По неофициальным данным, объект сопоставления принадлежит к одной из крупных торговых семей, однако источник информации пока не подтвержден…

Бегущая строка трансляции взрывалась сообщениями:

«Настоящий избранник судьбы!»

«А ведь он единственный Alpha с уровнем SS во всей империи, самая многообещающая фигура в армейских кругах…»

«Так мы сегодня реально сможем его снять? Раньше генерал-майора Лу вообще на публике не видать было, таинственная личность…»

«Да ладно вам, в прошлый раз его прекрасно сняли на заседании Постоянного совета Империи!»

«Тогда кадр промелькнул за долю секунды, я даже разглядеть толком не успел — помню только, что аура у него давящая…»

«И я о том же… Хотя красив, этого не отнимешь».

«Да толку с этой красоты? Слыхали, он на прошлых баталиях целый звездный сектор к чертям подорвал… Не хотел бы я с таким сойтись».

«Ты же в профиле Alpha! Куда тебе с ним сходиться? Перестань строчить чушь, признать чужое превосходство так сложно?»

«Я факты говорю! За блеск на публике приходится расплачиваться. Адский Лу — тот еще фрукт, думаете, его волнует какой-то там омега из системы подбора? Да он его через три дня на улицу выставит!»

Атмосфера в чате накалялась, комментарии мелькали все быстрее, но в какой-то момент поток сообщений резко замер.

На экране появился человек.

Холодный, резкий разлет бровей, точеные скулы, прямой и высокий мост носа. Строгий черный военный китель, безупречно прямые ноги. Он сошел с трапа звездного корабля, неся с собой едва ощутимый шлейф пороховой гари и невероятную, подавляющую мощь. Невероятно красив. Пожаловав на площадку, он лишь мельком глянул на парящий дрон трансляции — его серебристые глаза блеснули, и сигнал тут же намертво погас.

Лу Минцзинь вернулся.

На экранах зрителей осталась лишь серая рябь, однако чат продолжал бурлить.

С такой внешностью… Честно говоря, я бы не отказался…

Неужели ментальная сила Alpha способна вот так запросто вырубать электромагнитный сигнал?!

Какая тяжелая аура… и до чего же он холоден…

М-да, если эта машина для убийств потеряет контроль, станет по-настоящему жутко.

Кабы не он несколько лет назад, когда нагрянули зерги, заманивший их в ловушку — хрен бы вы тут сейчас сидели и трансляции смотрели!

Одно дело защита, а другое — взорванный сектор! Сколько там было рудников и ресурсов? Сегодня подорвал минералы, а завтра людей бомбить начнет?

Император не переживает, зато слуги извелись! Те рудники принадлежали исключительно императорской семье, вам-то что с того?..

Сун Ханьшань с хмурым видом просматривал комментарии в сети и тяжело вздыхал. Услышав тяжелый чеканный шаг армейских сапог, он поднял голову и увидел приближающегося Лу Минцзиня в сопровождении главного врача больницы. Подполковник тут же убрал коммуникатор и вытянулся в струнку, отдавая честь.

Дежурившие у палаты солдаты тоже дружно вытянулись, боясь лишний раз вздохнуть.

Лу Минцзинь коротко взмахнул рукой, отпуская подчиненных. Привычным движением он хотел было достать сигарету, но, вспомнить, где находится, убрал обратно.

— Тратить столько ресурсов ради одного омеги? — сдержанно спросил он.

По спине Сун Ханьшаня прошел холодный пот:

— Это… воля Его Величества.

Лу Минцзинь издал короткий холодный смешок:

— Передай им, пусть отправят его обратно. Отпуск окончен.

— А как быть с ним? — Сун Ханьшань неопределенно кивнул в сторону палаты.

Спустя столько времени генерал-майор наконец соизволил бросить взгляд внутрь.

Юноша спал на больничной койке. Его бледное, изящное личико слегка нахмурилось, длинные ресницы вздрагивали — сон явно был неспокойным. Эта хрупкая, болезненная красота выбивала из колеи. Любой, глядя на него, невольно проникся бы сочувствием.

Сун Ханьшань краем глаза проследил за реакцией командира. Взгляд Лу Минцзиня действительно задержался на Бай Руоняне, в нем промелькнула странная задумчивость.

Однако в следующее мгновение тонкие губы генерал-майора разомкнулись, роняя ледяные слова:

— Всё просто. Пусть возвращается туда, откуда прибыл.

«Дело дрянь», — подумал Сун Ханьшань. Но не успел он подобрать нужные аргументы, как спящий в палате юноша, словно почувствовав чужое присутствие, слегка повел носом, а затем его тонкие веки трепетно вздрагивали.

Бай Руонянь проснулся.

И не просто проснулся — он мгновенно осознал, что за окном кто-то есть. Повернув голову, он столкнулся взглядом с Лу Минцзинем.

Разрез его глаз — чуть приподнятые уголки, тонкая складка над веком — был настолько совершенен, что на мгновение перехватывало дыхание. Однако Лу Минцзинь лишь нахмурился и, указав пальцем на свое ухо, спросил у Сун Ханьшаня:

— Разве у него не проблемы со слухом?

Откуда Сун Ханьшаню было знать? Но он изо всех сил попытался исправить положение:

— Может, это связь душ? Девяносто девять процентов совпадения, как-никак…

— Ты сам-то в эту чушь веришь? — с сарказмом перебил его Лу Минцзинь.

Подполковник не нашелся с ответом, а генерал-майор уже толкнул дверь и вошел внутрь.

Сун Ханьшань даже не успел его остановить. С чувством полного провала он поспешил следом.

За последние дни этот омега повторял буквально три фразы.

Первая: «Когда я смогу уйти?»

Вторая: «Мне нужно найти человека. Очень важного человека».

Выглядел он при этом абсолютно невинно, чисто… и, главное, его сердце явно было занято

другим.

Войдя в палату, Лу Минцзинь полностью подавил свои феромоны.

Сидящий перед ним омега выглядел слишком бледным и тонким, словно брошенный котенок. Он смотрел на вошедшего синими глазами не моргая — с наивным, чистым любопытством.

Лу Минцзинь молча разглядывал его, после чего произнес:

— Охрану я отозвал, журналистов снаружи разогонят. Омега мне не нужен. Хочешь уйти — скатертью дорога.

В комнате воцарилась звенящая тишина.

Бай Руонянь не спускал глаз с мужчины. Он выпрямился, до боли сжав пальцы.

Глубокие синие глаза буквально въелись в Лу Минцзиня.

Тот повернулся к подполковнику:

— Он что, действительно ничего не слышит?

— Бедняга, — кивнул Сун Ханьшань. — Поговаривают, отец его бивал… Вот слух то пропадает, то возвращается.

Лу Минцзинь нахмурился, наблюдая, как юноша перед ним судорожно втягивает носом воздух.

Что за странные повадки?

Бай Руонянь слегка сморщил носик.

Знакомый до боли запах. Словно налетевший шквал — холоднее прежнего, ледянее, пропитанный пороховой гарью и запахом войны.

Кровь в жилах юноши застыла, а затем хлынула с новой силой. Он ошеломленно замер на кровати…

Это же…

Его Хозяин!

Это действительно его Хозяин! Он пришел за ним?!

Веки юноши задрожали, нос снова смешно сморщился, а небесно-синие глаза мгновенно вспыхнули ярким светом.

Так поэт смотрит на восходящую луну.

Он был в неописуемом восторге.

Не успел Лу Минцзинь даже среагировать, как Бай Руонянь всем телом бросился вперед. Забыв обо всем на свете, он рванулся так резко, что выдернул из вены капельницу. На белой, нежной коже мгновенно выступила алая кровь.

Рубиновая капля с тихим звуком упала на пол, и одновременно с этим из глаз юноши брызнули слезы.

Лу Минцзинь застыл, когда омега с ходу врезался в его грудь.

Бай Руонянь вцепился в плечи мужчины. Подавшись вперед и вставая на цыпочки босыми ногами, он с надеждой заглянул в глаза генерал-майора:

— Ты… ты пришел за мной?

Голос его прерывался от всхлипов, все накопившиеся обиды вырвались наружу:

— Я так скучал по тебе… Хозяин…

Из-за нечеткой артикуляции Лу Минцзинь не разобрал слово «Хозяин», но четко услышал «скучал».

Скучал?

А лжет — и глазом не моргнет.

— Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? — спросил Лу Минцзинь.

Прижавшийся к нему омега продолжал плакать, судорожно всхлипывая и попутно указывая пальчиком на свое ухо — мол, ничего не слышу. Лу Минцзинь попытался было отцепить его от

себя, но не тут-то было: юноша обвил его, словно осьминог. Он что-то бессвязно лепетал, замалзывая слезами его генеральские погоны, которые от сырости еще ярче забликовали на солнце.

Лу Минцзинь одеревенел. Сун Ханьшань, стоявший рядом, от изумления разинул рот.

Он же еще вчера рвался отсюда уйти! Что за метаморфозы?

Лу Минцзинь косо посмотрел на подполковника:

— Чего замер?

Сун Ханьшань очнулся и первой реакцией было метнуться за пластырем для Бай Руоняня.

— Я сказал, оттащи его от меня! — ледяным тоном чеканил Лу Минцзинь.

Сун Ханьшань словно очнулся от сна. Ну конечно, так липнуть к командиру позволялось только его покойной кошке. Глубоко вздохнув, подполковник попытался аккуратно снять омегу с офицера.

Видя, что генерал-майор закипает, Сун Ханьшань понизил голос и поторопился сказать, пока тот не взорвался:

— Если эти старые хрычи решили приставить к вам лазутчика, то пусть лучше этот лазутчик будет на виду. А если они просто зондируют почву… можно сделать им одолжение, держать его под боком и просто не обращать внимания.

Бай Руонянь, оказавшись на койке, непонимающе склонил голову набок.

Что произошло с Хозяином?

Почему он так от него отстраняется?

Лу Минцзинь смерил омегу взглядом. Тот смотрел на него не мигая, свесив с края кровати тонкие белые ноги и слегка покачивая ими. В его облике сквозила глубокая обида.

Офицер сделал шаг к нему. Военные сапоги с хрустом раздавили упавшие стеклянные осколки. Лу Минцзинь наклонился:

— Бай Руонянь, слушай меня внимательно. Оставаться со мной опасно. Те, кто метит в меня, не смогут достать меня самого, но с готовностью отыграются на тебе. Дать тебе уйти — это забота

о твоем же благе.

Слова звучали жестко, как прямой армейский приказ.

Бай Руонянь из сил выбивался, пытаясь уловить смысл. Считать губы получалось плохо, слух подводил, и он лишь хлопал ресницами, с растерянностью глядя на Лу Минцзиня.

Встретившись взглядом с этими синими глазами, генерал-майор на секунду запнулся:

— Даже если ты останешься, для меня ты будешь не больше чем кошкой или собакой. Ничего между нами не будет. Понял?

Первой части фразы Бай Руонянь не разобрал, но слова про «кошку или собаку» уловил отчетливо. И не просто уловил — его глаза мгновенно вспыхнули!

О том, как Хозяин относится к кошкам и собакам, знал только он сам!

Лу Минцзинь не ожидал, что выражение лица омеги может измениться так мгновенно. И уж тем более не думал, что столь жесткие слова произведут прямо противоположный эффект.

Только что полные слез глаза сейчас сияли, как звездное небо. На бледном личике расцвела улыбка, явив миру пару едва заметных ямочек на щеках.

— Я останусь.

Возможно, из-за проблем со слухом произношение давалось ему с трудом. Эти два слова Бай Руонянь выговорил медленно, очень тихо, но с железной непреклонностью. А затем повторил еще раз:

— Я останусь.

Лу Минцзинь смотрел в эти синие глаза, и в его памяти невольно всплыл образ собственного кота.

Когда он подобрал его, тот был таким же — крошечный белый комок, трогательный, беспомощный, умеющий только ластиться.

Но люди — не животные.

Звери искренни, а у людей всегда есть прошлый багаж, умыслы и цели.

«Раз уж он так упорствует…» — Лу Минцзинь изменил решение. Шпиона действительно безопаснее держать на виду.

Он выпрямился, собираясь уйти, но ощутил, как кто-то вцепился в край его кителя. Голос Бай Руоняня прозвучал совсем тихо, словно писк котенка:

— Не уходи…

— Разжми пальцы, — Лу Минцзинь смерил его строгим взглядом.

Но Бай Руонянь не то что не испугался — напротив, вцепился еще сильнее. Он лишь хлопал глазами, а в голосе звучала отчаянная мольба:

— Не хочу… Если отпущу, ты уйдешь…

Сун Ханьшань, стоявший неподалеку, буквально лишился дара речи.

У него бы в жизни не хватило наглости вести себя с Лу Минцзинем столь… беспардонно. Лазутчики нынче пошли профессиональные, ничего не скажешь!

Бай Руонянь понятия не имел о подобных тонкостях.

Он лишь смутно чувствовал, что Хозяин сильно изменился и совсем не рад его видеть.

Лу Минцзинь помешкал и, вопреки своим привычкам, снизошел до объяснений:

— Мне нужно в штаб. За тобой приедут люди и заберут.

— Нет…

Идти туда, где нет Хозяина, он категорически не хотел. Если они разминутся, как он потом его найдет?

Где ему его искать? По запаху, что ли?

От этой мысли юноша вцепился в сукно кителя еще мертвее. Рана на тыльной стороне ладони, оставшаяся от выдернутой иглы, снова закровоточила. Алые капли на белой коже выглядели особенно болезненно.

Бай Руонянь морщился от боли, но пальцев не разжимал. Лу Минцзинь молча наблюдал за

этим, а затем, не выдержав, бросил Сун Ханьшаню:

— Дай пластырь.

— Наклей, — приказал он омеге.

Бай Руонянь уставился на липкую полоску, затем перевел взгляд на Лу Минцзиня, явно не понимая, что с этим делать.

Сун Ханьшань шагнул было вперед, чтобы помочь, но генерал-майор остановил его. Он сам обхватил тонкое запястье юноши и снял защитную пленку с пластыря.

Тыльная сторона ладони покрылась синяками и ссадинами — зрелище было поистине жалостным. Бай Руонянь болезненно судорожно вздохнул и, не в силах смотреть на кровь, уткнулся лицом прямо в грудь Лу Минцзиня, укрывшись в знакомом, родном запахе.

«У-у-у…»

«До чего же это непросто…»

Оказавшись в привычной, безопасной среде, юноша ощутил, как неимоверно натянутые нервы наконец расслабились. Веки налились свинцовой тяжестью, и буквально через пару мгновений он заснул прямо на весу.

Заметив, что юноша затих, Лу Минцзинь опустил взгляд. Перед ним было фарфоровое личико Бай Руоняня: мерное дыхание, чуть вздрагивающие ресницы. Заснул.

Сун Ханьшань осторожно приблизился:

— В этот раз… оттаскивать?

Лу Минцзинь наградил его абсолютно безэмоциональным взглядом.

Подполковник тут же понял, что снова не угадал.

Душа начальника — темный лес.

http://bllate.org/book/42621/5458913